

УДК 343.9+343.2/7

В. А. Туляков

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

В современной литературе и на научных форумах достаточно активно обсуждаются проблематика кризиса мировой и отечественной криминологии на уровне догматических моделей. Хотелось бы остановиться на некоторых базовых, с нашей точки зрения, моментах, характеризующих состояние и перспективы развития криминологии, и соответственно возможностях их имплементации в действующее уголовное законодательство и уголовно-правовую доктрину. Последнее особенно важно, поскольку именно формирование целостной уголовно-правовой картины современности отвечает потребностям дня, наполняет социокультурные средообразующие элементы правовых норм [1] новым содержанием, как через центробежные процессы аппроксимации, так и через сохранение идеологии правовой доктрины в рамках существующей правовой семьи, в пределах самобытных культуры и идеологии общества [5, с. 56–60]. При этом кризис методологии в системе современного юридического знания, происходящие процессы взаимопроникновения идей и идеологий философии модерна и постмодерна не могли не найти отражения и в теории уголовного права. Все чаще и чаще мы утверждаем о необходимости создания единой национальной концепции уголовного права, бросая упрек эклектике и утилитаризму доктринальных моделей прошлого. В этой связи не менее важен вопрос: способно ли приращение криминологического знания повлиять на изменение уголовно-правовой доктрины? Известны задания, поставленные перед криминалистами Европы. Они связаны с необходимостью определить пути отражения новых и старых форм преступности в понимании преступления и социальной реакции на него; выяснить, какие процессы, отношения и стереотипы влияют на дальнейшую криминализацию и на безопасность общества, прийти к консенсусу относительно пути и моделей унификации санкций за транснациональные и общеуголовные преступления при сохранении

национальной самобытности уголовно-правовых культур [7]. Естественно, что такие задания влияют и на развитие отечественной уголовно-правовой мысли.

Говоря о перспективах приращения криминологического знания, мы вынуждены признать, что в современных условиях нормативность массовой аномии влечет за собой нормативность и нормальность криминальных практик и криминального образа жизни. Содержание же современного понимания предмета криминологии не учитывает специфику реализации и взаимодействия правовых и социальных явлений, в силу чего выглядит крайне расплывчатым. Обычно криминология трактуется как учение о преступности, преступнике и мерах предупреждения преступлений и преступности в целом. Имеющие место дополнения в структуру предметно-познавательной сферы криминологии (отклоняющееся поведение, делинквентность, проблемы жертвы преступления) только подтверждают сказанное выше: криминология в ее классическом понимании представляет собой учение о праве индивида на нарушение права и социальных процессах и институтах, связанных с реализацией этого права (уголовная юстиция, преступность, преступник, девиант, делинквент, жертва преступления, предупреждение преступлений, контроль, обращение с преступником и жертвами). В стороне почему-то остаются вопросы злоупотребления правом и правопослушного поведения, проблемы обращения с преступниками и иными гражданами, реабилитационных и компенсационных процессов и институтов.

Вместе с тем, по нашему глубокому убеждению, именно формирование модели анализа взаимоотношений систем «правовое поведение — злоупотребление правом — преступление» на различных уровнях социального взаимодействия позволит дать ответ на вопрос о судьбе и перспективах развития современной криминологии и ее предмета.

В упрощенном виде задача криминолога современности сводится к постановке и решению задачи в плане анализа того, почему люди не совершают преступления, а не того, почему они их совершают.

Такой подход диктуется, прежде всего, особенностями современного общественного развития, при котором именно злоупотребление правом и правонарушения становятся нормой в обществе, раздираемом противоречиями системного политического, экономического и социального характера.

Предвижу возражения — воплощение идеи в жизнь ведет к социологизации криминологии, к размыванию специфики криминологического знания, направленного, прежде всего, на изучение преступного поведения и характеристик массовой деструктивности, определенных криминальным законом конкретной страны на конкретном этапе ее развития. Вместе с тем, как справедливо заметила В. А. Грунина, «объективная невозможность однозначно регламентировать психические процессы в правовой сфере порождает феномен самоорганизации субъектов в условиях той или иной правореализующей ситуации... Процессы самооргани-

заци в правовом поведенні в самому общем виде можно определить как происходящее в сфере правового регулирования и подчиняющееся действию вероятностно-статистических закономерностей упорядочение общественных отношений на основе личного интереса субъекта (элемента системы) либо общего интереса системы, в которую оказывается включенным данный субъект, выражающееся в совершении либо отказе от совершения активных действий, имеющих юридическое значение» [3, с. 23–24]. Сказанное лишь подтверждает тезис о «нормальности» девиаций и злоупотреблений правом в существующей правовой системе, нормальности, предполагающей последовательное ограничение карательных практик с целью рационализации уголовно-правового воздействия и эффективности предупредительной деятельности.

В данном случае оценка непреклонности и неумолимости законов общества и человеческого общежития сменяется прагматичным анализом нелинейного хода событий. Помимо этого, существование противоречия между рациональностью уголовно-правовых норм (квасисвязанность деяния свободой воли индивида) и каузальностью криминологических исследований ставит на повестку дня не столько разрешение вопроса о причинах преступности в рамках традиционных моделей их понимания, сколько объяснение того, как и каким образом элементы неопределенности, случайности, вероятности, стихийности влияют на совершение преступных деяний.

Изучение взаимодействия преступников, жертв преступлений и общества на материальном, информационном и духовном (энергетическом) уровнях, как в процессе микрокриминологических исследований, так и при анализе массовой формы реализации человеческой деструктивности, — проявляется именно в казуальности, случайности событий. Недаром современные исследования в области теории вероятностей обращают особое внимание на системные ошибки, возникающие при массовой реализации тенденций закона больших чисел в макрокриминологии.

Оказывается, что составляющие погрешность случайности на самом деле есть выражение динамического процесса формирования новой и, к сожалению, непознанной нами закономерности, чем и выступает случайность. Для нас это означает только одно — изредка классические формы статистического анализа явления с редукцией выявленных закономерностей на социум будут вести к системным ошибкам. Прежде всего, это касается исследований организованной преступности и криминальных групп, индивидуальной криминальности, эвристического анализа групп и видов преступлений, актов злоупотребления правом (коррупции, бюрократизма) и корреспондирующей им виктимности на среднем уровне. Выделение преступных типов и типов жертв для нас сегодня, возможно, более важно и значимо, чем анализ специфики уровня преступности в отдельно взятом районе.

Именно поэтому обращение криминологов к качественным методам анализа вместо попыток выявления статистически значимых закономер-

ностей может сыграть гораздо большую роль и значение в формировании научного аппарата будущей теории причин преступности. Хотя, объективности ради, от универсализма в его сегодняшнем понимании стоило бы отказаться. Если сегодня мы познаем нормальный ход развития общественных отношений через анализ состояния неупорядоченности правовой жизни («правового хаоса»), крайней непредсказуемости и нестабильности ее проявлений, мы доказываем, что правонарушение и преступность, отдельные ее виды и проявления имеют свой внутренний порядок, свою нормальность. Такая «нормальность» существования преступности, равно как и иных отклонений, позволяет говорить не о закономерностях ее развития, а о тенденциях, более или менее отражающих процесс взаимодействия правопослушного поведения, злоупотреблений правом и преступлений и социальной реакции на них как в целом в рамках устойчивой системы, так и в отдельных субсистемных проявлениях.

Можно признать, что в обществе существует определенная культурой и традициями противодействия преступности уголовно-правовая практика, реализующаяся в правоприменительной деятельности и контроле над преступлениями и некоторыми административно-правовыми и гражданско-правовыми деликтами, связанными с преступлениями и преступностью общностью локальных признаков (опасность деяния, способы его нейтрализации и контроля).

Такой подход находится в полном соответствии с теоретическими постулатами контроля над преступностью, разработанными Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Э. Дюркгеймом и их последователями (тезис о взаимосвязи девиаций в рамках общего их нормативного объема и соответствии объему девиантности мер предупреждения, контроля и мер безопасности).

Помимо этого обращение к динамическим характеристикам взаимосвязи преступлений и преступности, иных девиаций в процессе изучения нормативных практик дает нам возможность несколько по-иному взглянуть и на понимание преступности как основного элемента современного криминологического знания. Можно сказать, что преступность реализуется в трех взаимосвязанных, но не являющихся тождественными изменениях:

1. Преступность как социальный институт, реализующийся в совокупности запрещенных уголовным законом и международным правом деяний. Институт, имеющий свои функции, тенденции, характеристики, свойства.

2. Преступность как образ, складывающийся из представлений политиков, медиа-ресурсов и населения об уголовно-правовых запретах и массовых формах их реализации. Такое духовное образование преступности реализуется и закрепляется в феномене массового сознания и культуры в целом

3. Криминальность как свойство личности или отдельных социальных групп быть склонными к более частому по сравнению с контрольной группой совершению противоправных деяний.

Можно в силу этого говорить даже о трех относительно самостоятельных направлениях современных криминологических исследований:

- 1) феноменологии преступности и связанных с нею девиаций;
- 2) криминологии культуры и связанных с нею уголовной политики и социального контроля, сориентированных на социально-психологический образ, а не на социальную реальность;
- 3) криминальной антропологии, сориентированной на изучение последовательно-криминогенных и ситуативных типов преступников, преступных сообществ и их жертв.

Понятно, существование преступности выгодно. Оно формирует индустрию безопасности, создает образ врага, отвлекает население от поиска хлеба насущного, дает возможность манипуляции общественным сознанием. Да и программы контроля над преступностью в основном выражают не криминологическую, а политическую волю. При этом уровень сплоченности населения в противодействии преступности подогревается страхом перед нею, а не восстановительными процедурами и процедурами обращения с жертвами преступлений, ресторативными практиками.

Однако проблема заключается не просто в унификации подходов в области технических, организационных и управленческих аспектов контроля над преступностью в глобальном масштабе, а и прежде всего, в пересмотре постулатов и приоритетов, смещения вектора силы с позиций контроля над преступностью на восстановление, превентивные меры и обращение с преступниками и правонарушителями на уровне индивидуальном, анализа серых полулегальных практик и противодействия злоупотреблению правом как элементов системы обеспечения безопасности и обращения с правонарушителями и жертвами на уровне общества в целом.

Преступность становится универсальной и не поддающейся единому решению проблемой, поскольку является институтом общества, элементом образа жизни отдельных индивидов и социальных групп.

Постулируемые ранее закономерности взаимодействия преступности и общества при таком подходе превращаются в более или менее вероятные тенденции, характерные именно для этого конкретного этапа развития общественных отношений. Собственно говоря, приращение криминологии виктимологическими знаниями реально приводит к такому результату. В этой связи эвристическая функция криминологического знания сводится к краткосрочным макро и долгосрочным индивидуальным прогнозам криминальной активности и преступных практик, а не к почитаемым нами долгосрочным прогнозам преступности, могущим существовать сегодня разве что в фундаменталистских стагнирующих социумах.

Отсюда и криминология как наука может представлять собой учение о совершении преступлений в их взаимосвязи со злоупотреблениями правом и правопослушным поведением, мерах социального контроля над преступлениями и преступностью, реабилитации и обращения с преступниками и их жертвами.

Изложенное выходит напрямую на решение ряда концептуальных проблем взаимосвязи уголовно-правовой доктрины и современного криминологического знания.

С одной стороны, уголовно-правовая доктрина как традиционалистская теория, отражающая сложившееся научное мнение, именно в силу своей глубины и авторитетности востребована общественной практикой и определенным образом влияет на законодателя [2, с. 17].

С другой стороны, новеллистические концепции современного криминологического знания служат идеологической подосновой динамики развития доктринальной уголовно-правовой модели, питают ее новым содержанием.

Так, традиционализм учения о преступлении как общественно опасного и запрещенного уголовным законом посягательства на личные интересы или социальные ценности, по сути, реализует аддитивную модель уголовного права. Среди отраслей публичного права право уголовное играет вспомогательную роль, ставя своей задачей только защиту прав и интересов участников уголовно-правовых отношений.

Политкорректные субсидиарность, пропорциональность, взаимообусловленность и зависимость уголовно-правовых норм и учений от экономических, политических и социальных процессов и характеристик общественного развития, от массового сознания, уровня и степени развития правовой культуры в совмещенности с требованиями стабильности карательного аппарата продолжают позволять говорить о доминанте индетерминистской модели уголовно-правовой доктрины: ответственности подлежит лицо, виновное в совершении запрещенного уголовным законом деяния. Это «последний довод королей» в системе правового регулирования.

Вместе с тем адекватное и своевременное отражение всех основных новелл в области обеспечения свободы, справедливости и безопасности личности, общества и государства в соответствии с евроинтеграционным выбором Украины наполняет данную идею новым содержанием. Следует, наверное, признать, что уголовное право изучает преступное деяние как волевой акт нарушения уголовного закона, преступное состояние как особое состояние личности, выражающееся в устойчивой антисоциальной деятельности, и, наконец, преступность как социальный институт, реализующийся в совокупности уголовно-правовых отношений между государством, обществом, потерпевшими, преступниками и третьими лицами.

Именно последнее направление предполагает нахождение своего отражения в уголовно-правовых нормах через описание:

- субъектов и участников уголовно-правовых отношений (государство, потерпевшие, преступники, третьи лица);
- ответственности субъектов и участников уголовно-правовых отношений (преступников, социальных групп, социальных общностей, государства, потерпевших);
- потерпевших как конститутивных субъектов в процессе формирования уголовно-правовой нормы и определения необходимости криминализации;

- правил назначения наказания, сориентированных на иной субъектно-объектный состав участников уголовно-правовых отношений;
- правил назначения и применения иных уголовно-правовых мер;
- особенностей квалификации преступления, назначения наказания и иных уголовно-правовых мер с учетом характеристик потерпевшего от преступления, степени криминальности субъекта уголовной ответственности, особенностей воспроизводства преступности в своем материальном и социально-психологическом выражении в стране.

Ряд из этих положений носит доктринальный характер, ряд — требует закрепления в национальном законодательстве в процессе его редактирования (новые разделы Общей части: уголовная ответственность и правоотношения, потерпевший от преступления, криминальность субъекта уголовной ответственности; уголовно-правовые меры; назначение уголовно-правовых мер; компенсация потерпевшим), ряд — последовательного совершенствования в процессе гуманизации действующего уголовного закона (учение об уголовном законе и учение о преступлении, учение о квалификации преступления), категоризации уголовных правонарушений на преступления, проступки и деликты, существенной декриминализации ряда составов или перевода последних в плоскость диспозитивного варианта регулирования уголовных правоотношений (возбуждение дела только по инициативе потерпевшего).

Нам уже приходилось писать о том, что современные уголовные кодексы, сохраняя черты догматической классической школы, переняли принципы теории обращения с правонарушителями (принудительные меры воспитательного и медицинского характера), идеи концепции опасного состояния (меры безопасности и меры социальной защиты) и развивают последовательно виктимологическую идею о примате личной безопасности над безопасностью общественной [6, с. 150—160]. На доктринальном уровне даже анализ конкретных составов в современных научно-практических комментариях УК начинается уже с описания потерпевших от преступлений и конкретного вреда, причиненного им.

Факт совершения и верификации деяния как преступления влечет за собой следующую совокупность реакций государства в рамках существующих уголовно-правовых отношений: привлечение виновного к уголовной ответственности, применение к нему мер безопасности, социальной защиты и мер компенсации.

С этой точки зрения, уголовно-правовая охрана личности, общества и государства от преступности будет реализовываться в установлении того, какие деяния признаются преступными, какие состояния субъектов преступления способствуют проявлению преступности деяний, какие наказания применяются к преступникам, какие меры безопасности, социальной защиты и компенсации определяются дополнительно к виновным, или иным лицам, находящимся в преступном состоянии, а также к лицам, нуждающимся в криминально-правовом поощрении и защите.

Ориентация на характеристики преступного состояния и четкое описание их в законе позволят, наконец, разрешить дилемму соотношения карательных и восстановительных начал в теории уголовного наказания. Дискуссия о сущности наказания как социальной реакции на преступление или возмездии за содеянное имеет смысл в случае признания того, что адекватной целью наказания есть кара, а не превенция. Для предупреждения преступлений служат уголовно-правовые меры безопасности. Иначе мы наказываем виновного не за деяние, а ограждаем общество от него посредством наказания на определенный срок. Либералистские модели, к которым мы привыкли, на самом деле не скрывают, а затушевывают сущность наказания в противовес иным мерам уголовно-правового воздействия.

Автономия и нейтралитет государства в разрешении уголовно-правового конфликта — вот, возможно, идеал модели уголовно-правовых отношений будущего.

Моральность уголовного права должна обеспечиваться не стабильностью правоприменительных и криминальных практик, а значимостью его для государства и гражданина.

Невозможно обеспечивать соблюдение запретов, если нарушения исчисляются, как в случае административных деликтов (уголовных проступков), миллионами. Правовые обязанности участников зависят не только от позитивного уголовного права, но и от уголовно-правовой идеологии, доминирующей в культуре государства, народа, нации, от, в конце концов, поддержания иди воспрепятствования криминально-правовой активности на деле, а не на словах.

Только такой подход будет в полной мере в современных условиях способствовать процессу индивидуализации ответственности, выяснению нормативных и дискретивных факторов, учитываемых при назначении наказания, более формализованному подходу при решении задач их учета и соотношения.

Наконец, развитие уголовно-правовой идеологии должно наполнить новым содержанием описание принципа социальной справедливости, справедливого правосудия в процессе реализации уголовной ответственности. Уход от него даже в рамках теории должен в таком случае сопровождаться описанием значения наказания и кары в уголовно-правовой теории и практике.

Зачастую студентов юристов учат значимости анализа диспозиций уголовно-правовых норм в ущерб санкциям. Возможно, уже пришло время создания специальных курсов, предназначенных к пониманию процесса назначения наказания и ответственности, рационального а не субъективного определения уровня боли и кары в соответствии с характеристиками деяния и личности виновного¹.

В рамках формирования современной уголовно-правовой идеологии важно также рассмотрение таких моральных составляющих уголовного права как субсидиарность, пропорциональность, солидарность и уваже-

ние. Речь идет о моральных лимитах применения уголовно-правового воздействия со стороны государства, общества и отдельных граждан, о поддержке гражданами уголовного права в рамках медийной модели преступности и реакции на нее.

Последней проблемой, на которой хотелось бы остановиться в данной статье, есть вопрос достижения эффективного уровня криминализации, а точнее, декриминализации в процессе формирования новой доктрины и принятия новой редакции Уголовного кодекса. Известны работы Д. Балобановой, Б. Здравомыслова, В. Кудрявцева, С. Келиной, В. Мельника, А. Никифорова, В. Тация и др., посвященные теоретическим основам криминализации. Зачастую считается нормальным обоснование модели декриминализации через антикриминализацию. Думается, с учетом «тройственности» понимания преступности, значимости каузальности и ограниченности превентивных практик в криминологической доктрине, уголовно-правовая доктрина декриминализации должна носить относительно самостоятельный характер.

Это связано как со структурным пересмотром административных деликтов и категоризацией уголовных правонарушений, так и с необходимостью снижения уровня уголовной репрессии. И дело не в медиа информации. Положение с регистрируемой преступностью не так плохо как кажется — до начала эпохи кризисов преступность и темпы ее роста относительно стабилизировались во всем мире. Понятное дело, что сейчас тема голода и социального отчуждения вновь вызовет на повестку дня массовые криминальные практики, однако справедливости ради отметим, что ранее эти практики, преступные институты и пр. в основном представляли собой политически и нормативно неодобряемую модель поведения (активности), поддерживаемую всем или большей частью народа, либо социальной организации.

В этой связи представляется, что коренной ошибкой законодателя является увлеченность карательными практиками и теоретическими моделями криминализации в ущерб декриминализации [4].

С нашей точки зрения в концепцию теории декриминализации должна быть заложена (или хотя бы служить одной из ее основ) теория случайности, поскольку именно «случайные» нормы содействуют созданию правового хаоса, ведут к неопределенности уголовной политики и неэффективности уголовных запретов.

Таким образом, исходя из современных криминологических позиций, рассмотрение «кандидатов» на декриминализацию обязательно должно быть в случае:

- наличия диспропорций в уголовно-правовом регулировании (излишняя криминализация);
- внутренней, внешней, конституционной и международно-правовой несогласованности уголовно-правовой нормы установкам иных правовых актов;
- уникальности регулирования узкого чрезмерно конкретного вопроса;

- неустойчивости правоприменительной практики (единичностью применения);
- относительности запрета (скрытой декриминализацией посредством реализации бланкетных и отсылочных норм);
- явной случайности бытия нормы, вызванной к жизни текущими изменениями политических процессов.

При этом относительность, нематериальность, размытость, виртуальность ущерба, причиненного деянием, должны корреспондировать экономической и социальной неэффективности стигматизации виновного как преступника, трудностям процессуального доказывания нарушения запрета и, наконец, невозможности использования превентивных механизмов и форм реализации уголовной ответственности.

Примечания

1. В Одесской национальной юридической академии спецкурс «Назначение наказания» читается слушателям Института подготовки профессиональных судей шестой год.

Литература

1. *Бойко А. И.* Системная среда уголовного права: Автореф. дис... д-ра юрид. наук: 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. — М., 2008.
2. *Бошно С. В.* Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. — 2003. — № 12.
3. *Грунина В. А., Головкин Р. Б.* Методологические проблемы применения синергетики в праве: Учеб. пособие / ВЮИ ФСИН России. — Владимир, 2006.
4. Законодавча реалізація кримінально-правової політики: аналіз законопроектної діяльності Верховної Ради України V скликання з питань кримінального права / Д. В. Швець, В. М. Грицак, Я. І. Василькевич, В. О. Гацелюк. — К.: Атіка, 2008. — 244 с.
5. *Наумов А. В.* Идеологические основы уголовного закона // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: Сб. науч. тр. / Под ред. Н. А. Лопашенко; Саратов. Центр по исслед. проблем организованной преступности и коррупции. — Саратов, 2008. — С. 56–60.
6. *Туляков В. А.* Предмет уголовно-правового регулирования: к постановке проблемы // Наукові праці Одеської національної юридичної академії. — О., 2007. — Т. 6. — С. 150–161.
7. Report on Implementation of the Hague programme for 2007 — Commission of the European communities — Communication from the Commission to the Council and the European parliament. — Brussels, 2.7.2008/ — com(2008), 373 // <http://eurex.europa.eu/lexuriserv/lexuriserv.do?uri=com:2008:0373:fin:en:doc>.